

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

М.М. Тареев

**Ф.М. Достоевский,
как религиозный мыслитель**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 12. С. 778-803.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Ф. М. Достоевскій, какъ религіозный мыслитель *).

РЕЛИГИОЗНАЯ радость жизни даетъ высшую гармонію, лежащую за границами этическихъ полюсовъ. Но принципъ жизни дѣлаетъ лишь половину дѣла.

— Половина твоего дѣла сдѣлана, Иванъ, и пріобрѣтена: ты жить любишь. Теперь надо постараться тѣбѣ о второй твоей половинѣ, и ты спасенъ.

Принципъ жизни есть половина дѣла, потому что все же онъ не уничтожаетъ внутренняго различія добра и зла, нравственной высоты и нравственной низости, все-же изнутри дисгармонія остается непримиренной. Этотъ остатокъ примиряется, повидимому, по принципу красоты: въ обоихъ полюсахъ можетъ быть одна и та же красота.

— Красота—это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопредѣлимая, а опредѣлить нельзя, потому что Богъ задалъ однѣ загадки. Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ... Иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ, начинается съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и во истину, во истину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы. Нѣтъ, широкъ человѣкъ, слишкомъ даже широкъ, я бы сузилъ. Чортъ знаетъ, что такое даже, вотъ что! Что уму представляется позоромъ, то сердцу сплошь красотой. Въ Содомѣ ли красота? Вѣрь, что

*) Окончаніе. См. ноябрь.

въ Содомѣ-то она и сидитъ для огромнаго большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердца людей...

Красота обоихъ полюсовъ это не то же, что отмѣченное выше психологически-случайное совмѣщеніе дисгармонирующихъ сторонъ—«прикасаніе ко всему» святыхъ душъ и искры добра, сохраненные въ смрадѣ паденія. Теперь рѣчь идетъ о принципиальномъ примиреніи полюсовъ, о совпаденіи ихъ въ ихъ послѣднихъ пунктахъ. То совмѣщеніе, на примѣръ, означаетъ, что и преступникъ, несмотря на свое преступленіе, удерживаетъ въ своей душѣ что-нибудь доброе, какія-нибудь добрыя чувства, добрыя мысли, любовь къ кому-нибудь, а это принципиальное примиреніе значитъ то, что само преступленіе можетъ быть совершено во имя добра, ради какихъ-нибудь высшихъ побужденій, что возвышенная любовь къ человѣчеству, смѣло доведенная до послѣднихъ выводовъ, приводитъ къ преступленію препятствій, что преступленіе разрѣшается «по совѣсти», съ ея санкціей, съ религіознымъ освященіемъ. Преступники, носящіе въ своей душѣ какую-нибудь любовь къ добру, несмотря на паденіе, были давно извѣстны, а мысль о разрѣшеніи преступленія по совѣсти «впервые» пришла Раскольникову.

— У меня тогда одна мысль выдумалась, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ...

Такъ вотъ въ такомъ принципиальномъ значеніи для примиренія разныхъ полюсовъ Достоевскій и примѣняетъ идею красоты. Добро, помимо чувства долга, которымъ оно опредѣляется, содержитъ въ себѣ и красоту, но и зло, въ своихъ сознательныхъ и крайнихъ проявленіяхъ, содержитъ ту же красоту.

Въ самой священной книгѣ сказано: «ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ».

Теплохладность, всякое служеніе добру, когда человѣкъ не смѣетъ поднести къ своимъ устамъ отравленный кубокъ зла, но не можетъ и всецѣло прилѣпиться къ добру,—эта теплохладность имѣетъ въ себѣ что-то абсолютно отвратительное. Напротивъ, въ рѣшительной холодности, въ рѣшительномъ служеніи землѣ, въ рѣшительномъ поклоненіи злу — есть.

что-то эстетически - великое, захватывающее душу, увлекательное.

Воплощеніе этой всепримиряющей красоты въ душѣ чело-вѣка, въ душѣ избранныхъ людей, нѣкоторыхъ «особенныхъ» людей, чувствующихъ одну и ту же красоту въ обоихъ полюсахъ и какъ бы пророчествующихъ грядущее міровое примиреніе добра и зла—болѣе всего привлекало къ себѣ вниманіе Достоевскаго.

О Раскольниковѣ Разумихинъ говоритъ:

— Точно въ немъ два противоположные характера поочередно смѣняются.

Князь Мышкинъ любитъ одновременно Настасью Филипповну и Аглаю «двумя разными любовью», т. е. Настасью Филипповну любитъ жалостью, и по жалости хочетъ жениться на ней—«такъ только просто жениться», а Аглаю въ то же время любитъ муже-женскою любовью.

— Я люблю Настасью Филипповну всей душой!

— И въ тоже время увѣряли въ своей любви Аглаю Ивановну?

— О, да, да!

— Какъ же? Стало быть, обѣихъ хотите любить?

— О, да, да!

Версиковъ тотъ же типъ. Онъ говоритъ о себѣ:

— Я безкопечно силенъ непосредственною силою уживчивости съ чѣмъ бы то ни было. Меня ничѣмъ не разрушишь, ничѣмъ не истребишь, и ничѣмъ не удивишь. Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то же время.

Преимущественно Версиковъ чувствуетъ это «соприкосновеніе противоположностей» въ области любви: у него тоже двѣ любви—одна къ Софѣ Андреевнѣ, матери «подростка» («болѣе такъ сказать, гуманная и общечеловѣческая любовь, чѣмъ простая любовь») и другая къ инымъ женщинамъ, на примѣръ, къ Катеринѣ Николаевнѣ (любовь простая, страстная).

Въ одинъ изъ переходовъ отъ одной любви къ другой, онъ говорилъ Софѣ Андреевнѣ:

— Прощай, Соня, я отправляюсь опять странствовать, какъ уже нѣсколько разъ отъ тебя отправлялся... Ну, конечно, когда нибуду приду къ тебѣ опять—въ этомъ смыслѣ ты неминуема.

И вотъ какъ онъ изображаетъ свое внутреннее состояніе при этомъ:

— Знаете, мнѣ кажется, что я весь точно раздваиваюсь,—мысленно раздваиваюсь и ужасно этого боюсь. Точно подлѣ васъ стоитъ вашъ двойникъ; вы сами умны и разумны, а тотъ непремѣнно хочетъ сдѣлать подлѣ васъ какую нибудь безсмыслицу, и иногда превеселую вещь; и вдругъ вы замѣчаете, что это вы сами хотите сдѣлать эту веселую вещь, и Богъ знаетъ зачѣмъ, то есть какъ-то нехотя хотите, сопротивляясь изъ всѣхъ силъ хотите. Я зналъ, однажды, одного доктора, который на похоронахъ своего отца, въ церкви, вдругъ зашвысталъ...

Версильовъ взялъ въ руки образъ и изъ-всѣхъ силъ ударилъ его объ уголъ печки: образъ раскололся ровно на два куска.

Тоже у Версильова и въ другихъ отношеніяхъ: «всемирное болѣніе за всѣхъ» и самый неприкрытый эгоизмъ, высота порывовъ, сила вѣры, вериги—и клокотаніе страстей, атеизмъ...

Одновременное ощущеніе двухъ безднъ—это вся природа и Дмитрія Карамазова. Психологъ—прокуроръ, разсуждая о характерѣ Дмитрія Карамазова, о его способности къ благороднымъ порывамъ и къ отвратительнымъ поступкамъ, находитъ эту способность наиболѣе открывающею глубины его души.

— Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что при двухъ противоположностяхъ правду надо искать посрединѣ; въ настоящемъ случаѣ это буквально не такъ. Вѣроятно же всего, что въ первомъ случаѣ онъ былъ искренно благороденъ, а во второмъ случаѣ также искренно низокъ. Почему? А вотъ именно потому, что мы натуры широкія, Карамазовскія, способны вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія.... Ощущеніе низости паденія также необходимо этимъ разнузданнымъ, безудержнымъ натурамъ, какъ и ощущеніе высшаго благородства... Именно имъ нужна эта неестественная смѣсь постоянно и непрерывно. Двѣ бездны въ одинъ и тотъ же моментъ,—безъ того мы несчастны и неудовлетворены, существованіе наше не полно. Мы широки, широки какъ вся наша матушка Россія, мы все вмѣстимъ и со всѣмъ уживемся!

Николай Ставрогинъ—тотъ же типъ и при томъ наиболѣе

яркій, наиболѣе рельефно выраженный. Душа его души — «жажда контрастовъ». Онъ былъ способенъ къ самому возвышенному великодушію, и въ то же время въ его душѣ таилась злоба, холодная спокойная и разумная, стало быть, самая отвратительная, самая страшная, какая можетъ быть. Въ одно и то же время онъ насаждаетъ въ сердцѣ Шатова Бога и родину, проповѣдуетъ ему фанатическую идею народа-богоносца и въ то же самое время, въ тѣ же самые дни, отравляетъ сердце Кирилова ядомъ рѣшительнаго атеизма. Онъ не зналъ различія въ красотѣ между какою нибудь сладострастною, звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнью для человѣчества, — въ обоихъ полюсахъ онъ находилъ совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія. Наканунѣ своей смерти, своего самоубійства, онъ признавался любимой дѣвушкѣ:

— Я пробовалъ вездѣ мою силу. Вы мнѣ совѣтовали это, «чтобъ узнать себя». На пробахъ для себя и для показу она оказывалась безпредѣльною. На вашихъ глазахъ я снесъ пощечину отъ вашего брата; я признался въ бракѣ (съ Лебядиной) публично... Я могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого и тоже чувствую удовольствіе.

Идея всепримирающей силы красоты, эстетическаго совпаденія полюсовъ, одинаковости наслажденія въ добрѣ и злѣ — есть одна изъ самыхъ смѣлыхъ идей, какія только могли зародиться въ душѣ Достоевскаго.

И что же — имѣемъ ли мы въ этой идеѣ окончательное примиреніе противоположностей, даетъ ли она послѣднюю гармонію, можно ли считать высшій синтезъ достигнутымъ?

Мы не имѣемъ основаній отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣйствительнаго синтеза противоположностей красота не даетъ. Это мы съ несомнѣнностью можемъ установить на всѣхъ «необыкновенныхъ людяхъ» Достоевскаго, въ которыхъ обнаруживается совпаденіе противоположностей.

Всѣ «необыкновенные люди», носители одинаковости наслажденія въ обоихъ полюсахъ, могутъ быть раздѣлены на три разряда. Въ первыхъ двухъ разрядахъ дисгармонирующія стороны представлены неодинаково, не съ равною реальностью, но такъ, что или добро дѣйствуетъ лишь въ видѣ головныхъ идеаловъ, въ видѣ пустыхъ отвлеченныхъ мечтаній, зло же проявляется въ сочныхъ краскахъ, въ глубокихъ страстяхъ,

или, напротивъ, земныя чувства и злые помыслы шевелятся въ дѣшѣ слишкомъ слабо, теоретически безцвѣтно, отвлеченно, тогда какъ любовь къ добру всецѣло и прочно владѣетъ душою. Лишь въ третьемъ разрядѣ «необыкновенныхъ людей» мы наблюдаемъ равную силу обоихъ полюсовъ. Итакъ, первый разрядъ—люди съ реальною склонностью къ землѣ и отвлеченными мечтами о возвышенномъ и прекрасномъ; второй разрядъ—люди съ реальнымъ устремленіемъ къ небу и съ слабымъ чувствомъ земли, съ отвлеченной мыслью о злѣ; третій разрядъ—люди съ равнымъ наклономъ къ добру и злу.

Первый типъ—герой «подполья» и Дмитрій Карамазовъ. Вотъ исповѣдь перваго.

— Кончалась полоса моего развратика и мнѣ становилось ужасно тошно... Но у меня былъ выходъ, все примирявшій, это—спасаться во «все прекрасное и высокое», конечно въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду... Я дѣлался вдругъ героемъ... Мечты особенно слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторгами. Бывали мгновенья такого положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей Богу. Была вѣра, надежда, любовь. Я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ то чудомъ, какимъ-нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится—и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому что въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собою грязь. Замѣчательно, что эти приливы «всего прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными вспышками, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли однакожъ развратика своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто подживляли его контрастомъ... Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ» во все прекрасное и высокое; хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того

было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ, ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать...

Таковъ и Дмитрій Карамазовъ. Онъ всю свою жизнь, «съ діогеновымъ фонаремъ», ищетъ благородства и вмѣстѣ съ тѣмъ живетъ жизнью безалаберною, безобразною, пьяною, грязною... Онъ говоритъ о себѣ, о своей прожитой жизни Алешѣ: «любилъ развратъ, любилъ и срамъ разврата, любилъ жестокость: развѣ я не клопъ, не злое насѣкомое? Сказано — Карамазовъ!» Дмитрій Ѳедоровичъ — сладострастно-злое насѣкомое. Идеалъ Мадонны, который онъ носитъ въ своей душѣ вмѣстѣ съ этимъ содомскимъ идеаломъ, глубоко запрятанъ въ его сердцѣ, выглядываетъ оттуда робко и бездѣйственно. «Когда мнѣ случалось погружаться въ самый, въ самый глубокій позоръ разврата (а мнѣ только это и случалось), то я всегда стихотвореніе о Церерѣ читалъ. Исправляло оно меня? Никогда! Потому что я Карамазовъ. Потому что если ужъ полечу въ бездну, то такъ-таки прямо, головой внизъ и вверхъ пятами»...

Такъ дѣйствительно жилъ Дмитрій Ѳедоровичъ. Впрочемъ, въ тѣ дни свои, которые описываются въ романѣ, онъ переживаетъ подъ громомъ особыхъ обстоятельствъ нѣчто новое, — онъ переживаетъ возрожденіе, воскресеніе. «Братъ, говоритъ онъ Алешѣ, находясь въ тюрьмѣ, — я въ себѣ въ эти два послѣдніе мѣсяца новаго человѣка ощутилъ. Воскресъ во мнѣ новый человѣкъ! Былъ заключенъ во мнѣ, но никогда бы не явился, если бы не этотъ громъ».

Отъ Дмитрія Карамазова, одновременно ощущавшаго двѣ бездны, чрезъ героя подполья, чрезъ князя Сокольскаго мы постепенно спускаемся къ Мармеладову, Келлеру, Лебедеву, которые не знали никакихъ безднъ, но жили просто въ грязи, сохраняя смутное воспоминаніе и о царствѣ Божіемъ, которые не могли подниматься на высоту своихъ искръ, на высоту своихъ добрыхъ минутъ, единственно отъ нравственной слабости, отъ безсилія предъ требованіями общественной среды. Этимъ Мармеладовымъ недостаетъ просто культурности, для нихъ все ихъ спасеніе, маленькое, обывательское спасеніе, придетъ отъ общественной эволюціи, отъ развитія экономическихъ и соціальныхъ условій. Не боги же обжигаютъ кирпичи, и не религія нужна, чтобы излечить человѣка отъ алкоголизма, дебоширства, ростовщичества, мошенничества. Это легко видѣть; но примѣчательно, что переходъ отъ необыкновенныхъ людей двойныхъ полюсовъ къ этимъ слабымъ и

пьяненькимъ совершается съ поразительною постепенностью, — указать границы между ними рѣшительно нѣтъ никакой возможности. И широта Дмитрія Карамазова имѣетъ въ себѣ слишкомъ много стихійно-некультурныхъ элементовъ, она всецѣло отъ его нравственной слабости, отъ его душевной распушенности. Личные добрые задатки и дикость среды, высота отвлеченныхъ идеаловъ и сила социальной неустроенности — таковы родники его внутренней трагедіи. Очевидно, первый разрядъ необыкновенныхъ людей ни на одинъ шагъ не выводитъ насъ за предѣлы стихійно-психической совмѣстимости разныхъ душевныхъ слоевъ, ни на одну пядь не подвигаетъ насъ къ высотѣ принципиальнаго примиренія полюсовъ. Дмитрій Карамазовъ весь отъ стихійно-прошлаго, и ничего въ немъ нѣтъ принципиально-грядущаго.

То же самое нужно сказать и объ остальныхъ двухъ разрядахъ.

Второй разрядъ — люди съ реальнымъ устремленіемъ къ небу и съ слабымъ чувствомъ земли, съ отвлеченною мыслью о злѣ. Таковы — князь Мышкинъ, Раскольниковъ, Кириловъ.

Объясняя Евгенію Павловичу о своихъ «двухъ любвяхъ» къ Настасѣ Филипповнѣ и къ Аглаѣ и давая ему порученіе о чемъ-то переговорить съ Аглаей, растолковать ей, что онъ, женись на Настасѣ Филипповнѣ, нисколько не противорѣчитъ своей любви къ Аглаѣ, князь высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и невольное чувство какой-то вины.

— О, да, я виноватъ! Вѣроятно все, что я во всемъ виноватъ! Я еще не знаю, въ чемъ именно, но я виноватъ... Тутъ есть что-то такое, чего я не могу вамъ объяснить, Евгений Павловичъ, и словъ не имѣю, но... Аглая Ивановна пойметъ! О, я всегда вѣрилъ, что она пойметъ.

— Нѣтъ, князь, не пойметъ! Аглая Ивановна любила какъ женщина, какъ человѣкъ, а не какъ... отвлеченный духъ. Знаете ли что, бѣдный мой князь: вѣрнѣе всего то, что вы ни ту, ни другую никогда не любили!

Настасью Филипповну любовью-жалостью князь любилъ, но простою любовью князь не любилъ ни Настасью Филипповну, ни Аглаю. И въ этомъ была его вина, и отсюда его «двѣ любви», въ которыхъ онъ не могъ разобратъся.

— А до женскаго пола вы, князь, охотникъ большой?

— Я н-н-нѣтъ! Я вѣдь... Вы, можетъ быть не знаете, я вѣдь по прирожденной болѣзни моей даже совсѣмъ женщинъ не знаю.

Вотъ откуда вина князя. Живой-святой во всѣхъ отношеніяхъ, князь въ единственномъ отношеніи оказался мертвой мушкетеромъ—въ томъ отношеніи, въ которомъ онъ раздвоился, раскололся на два полюса, въ отношеніи къ женщинѣ.

Совмѣщеніе двухъ полюсовъ, «двухъ loves» въ одномъ сердцѣ въ данномъ случаѣ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ природной немощи, ненормальности.

Что о князѣ Мышкинѣ, то же самое слѣдуетъ сказать и объ Алешѣ Карамазовѣ. Въ немъ мы видимъ въ сущности одно небесное, духовное. Если онъ говорить о себѣ Лизѣ, что «онъ до многого прикоснулся», что онъ понимаетъ страшную злобу людскую, то вѣдь это слова, только слова, которыя не подтверждаются ни одною черточкой въ ходѣ романа. Равнымъ образомъ и его любовь къ Лизѣ Хохлаковой, несмотря на поцѣлуй, есть любовь какая-то дѣтская, безкровная. Не по-дѣтски развитая Лиза просто говорить ему однажды: «Вы въ мужа не годитесь. Я за васъ выйду, и вдругъ дамъ записку, чтобы снести тому, котораго полюблю послѣ васъ (напр. Ивана Федоровича). Вы возьмете и непременно отнесете, да еще отвѣтъ принесете». Такая безкровная, безревностная любовь не удовлетворяетъ Лизу...

Ту же самую немощь, что у князя Мышкина,—совершенно въ другомъ отношеніи, въ отношеніи къ преступленію, мы наблюдаемъ и въ Раскольниковѣ. Конечно, эта немощь, немощь къ преступленію,—одна изъ тѣхъ, въ которыхъ совершается сила Божія, но для эстетики не существуетъ этической точки зрѣнія, она только знаетъ два полюса и одинаковость наслажденія въ нихъ,—и намъ достаточно въ этомъ мѣстѣ отмѣтить лишь блѣдность одного изъ полюсовъ. Раскольниковъ—глубокій человѣколюбецъ. Любовь къ людямъ пронизываетъ его до мозга костей. Напротивъ, способность къ преступленію въ немъ чисто теоретическая — «книжныя мечты, теоретически раздраженное сердце». Поэтому никакъ не случайно то, что Раскольниковъ преступленія не выноситъ. Его преступленіе для добрыхъ цѣлей это—скороспѣлое смѣшеніе добраго сердца съ лоловною теоріею.

У Кирилова головной, выдуманный (внушенный Ставрогинымъ) атеизмъ соединяется съ самымъ добродушнѣйшимъ добросердочіемъ. Этотъ атеистъ, рѣшившій убить себя, единственно чтобы доказать своеволие (первое атеистически-теоретическое самоубійство, какъ у Раскольникова первое теорети-

ческое преступленіе), и въ то же время зажигающій лампадку, потому что «старуха любить», забавляющій мячикомъ ребенка и радующійся рожденію младенца у Шатовыхъ, этотъ атеистъ, котораго «сѣла идея» — самое тяжелое, самое жалкое созданіе художественнаго творчества.

Тенерь обратимся къ третьему разряду необыкновенныхъ людей. Это — Версиловъ, Иванъ Карамазовъ, Свидригайловъ и особенно Ставрогинъ. У нихъ равный наклонъ къ тому и другому полюсу. Но это «преудобнѣйшее» приспособленіе ко всякимъ обстоятельствамъ далеко не можетъ быть признано вершиной человѣческаго развитія. Одинаковость наслажденія въ обоихъ полюсахъ, при болѣе внимательномъ наблюденіи, оказывается не идеальнымъ соединеніемъ, а стихійно-хаотическимъ смѣшеніемъ, которое можетъ быть одобрено развѣ только пошлымъ житейскимъ благоразуміемъ. Это не идеальная вершина, это — жалкая пошлая срединка, не смѣющая пристать ни къ тому, ни къ другому берегу. Герой полполюя проницательно разсуждаетъ объ этой отвратительной чертѣ нашихъ «романтиковъ». У насъ «надзвѣздныхъ натуръ» не водится «въ ихъ чистомъ состояніи». Наши романтики умѣютъ отлично обдѣлывать свои дѣлишки, всему уступать политично, все обойдутъ, умѣютъ соединить надзвѣздныя мечтанія съ казенными квартирками, пенсіончиками, чинами; ихъ главная забота — сохранить себя, «сберечь свою душу», какъ ювелирскую вещицу какую-нибудь. Вотъ что означаетъ эта «способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ ощущеніямъ»; вотъ почему наши «широкія» натуры, даже при самомъ послѣднемъ паденіи, никогда не теряютъ своего идеала.

Подъ эту мѣрку Версиловъ вполне подходитъ. Онъ самъ сознается въ своемъ благоразуміи.

— Я безконечно силенъ непосредственною силою уживчивости съ чѣмъ бы то ни было, столь свойственною всѣмъ умнымъ русскимъ людямъ («умнымъ романтикамъ») нашего поколѣнія. Меня ничѣмъ не разрушишь, ничѣмъ не истребишь и ничѣмъ не удивишь. Я живучъ какъ дворовая собака. Я могу чувствовать преудобнѣйшимъ образомъ два противоположныя чувства въ одно и то же время — и, ужъ конечно, не по моей волѣ. Но тѣмъ не менѣе знаю, что это безчестно, главное потому, что ужъ слишкомъ благоразумно...

Влюбленный въ Версилова и вдумчиво наблюдающій его «подростокъ» приходитъ къ выводу, что «Версиловъ ни къ

какому чувству, кромѣ безграничнаго самолюбія, и не можетъ быть способенъ».

Но можно видѣть, что поставленіе себя въ центрѣ мірозданія при несоотвѣтствующей фактической силѣ, импонируя душамъ слабымъ и мягкосердечнымъ, повергая ихъ въ восторженное благоговѣніе, должно казаться смѣшнымъ для наблюдателей болѣе самобытныхъ. Смѣшно это срединное смѣшеніе крайностей, эта благоразумная уживчивость, столь не соотвѣтствующая высокимъ претензіямъ.

— Мнѣ всегда казалось въ васъ что-то смѣшное.

Это говоритъ Версикову Катерина Николаевна.

Князь Мышкинъ, Раскольниковъ, Кириловъ, Дмитрій Карамазовъ не смѣшны ¹⁾, а Версиковъ, Иванъ Карамазовъ, Свидригайловъ, Ставрогинъ смѣшны и смѣшливы: смѣхъ ходить за ними по пятамъ, какъ зеркало, отражающее ихъ срединную пошлость.

Что такое Иванъ Карамазовъ при всей дерзости своего религіознаго сомнѣнія, при всей смѣлости своего этического отрицанія, внушающій восторженное благоговѣніе экзальтированнымъ женщинамъ и рабскую преданность фанатикамъ-лакеямъ Смердяковымъ? Этотъ лакей—Смердяковъ, родственникъ Ивану Карамазову по духу (и по плоти), такъ опредѣляетъ характеръ своего «идола»:

— Умны вы очень-съ. Деньги любите, почетъ тоже любите, потому что очень горды, прелесть женскую чрезмѣрно любите, а пуще всего въ покойномъ довольствѣ жить и чтобы никому не кланяться,—это пуще всего-съ.

Любовь къ покою и гордость—это двѣ основныя черты въ характерѣ Ивана Карамазова, и та и другая говорятъ о срединной пошлости его. Эти характеры не могутъ не быть гордыми, тщеславными.

Еще съ большею яркостью, чѣмъ въ лакеѣ Смердяковѣ, характеръ Ивана отражается въ его кошмарѣ-чортѣ, этомъ «воплощеніи его мыслей и чувствъ, только самыхъ гадкихъ и глупыхъ». Это именно «пошлый чортъ», отвратительный по своей мѣщанской срединности, по своему лакейству.

¹⁾ Хотя самъ Дмитрій Карамазовъ „заливается“ „неожиданнымъ“ и неудержимымъ смѣхомъ, но это какой то дикій, трагическій смѣхъ,—и проницательные наблюдатели видѣли въ немъ никакъ не смѣшныя черты.

— Я никогда не былъ такимъ лакеемъ! Почему же душа моя могла породить такого лакея?

Да въ томъ то и дѣло, что Иванъ всегда былъ такимъ лакеемъ. Его гордый умъ, блуждающій отъ одного полюса къ другому, такъ какъ ему, какъ избранному, все позволено, — его гордый умъ служить лишь фономъ, на которомъ вырисовывается его лакейская пошлость. Въ самую важную минуту своей жизни, когда Смердяковъ, гипнотизируя его, условливался съ нимъ объ убійствѣ отца, «онъ (Иванъ Федоровичъ) вдругъ, къ удивленію Смердякова, засмѣялся и быстро пошелъ въ калитку, продолжая смѣяться». На слѣдующее утро, уѣзжая въ Чермашню, какъ того желалъ Смердяковъ, онъ прощался съ нимъ «съ какимъ то нервнымъ смѣшкомъ»...

Свидригайловъ, человѣкъ «эстетики и комфорта», пришелъ путемъ собственнаго опыта къ выводу: «бѣда быть широкимъ безъ особенной геніальности». Бѣда въ широтѣ, превосходящей мѣру фактической силы, а это можетъ случиться при всякой степени силы, потому что всякую степень силы можетъ превзойти еще большая степень широты, претензій, гордости. Последніе дни и последніе часы, въ которые мы застаемъ Свидригайлова, поражаютъ и угнетаютъ душу читателя безпросвѣтною сѣростью, непрогляднымъ туманомъ мелкаго непрерывнаго дождя: все возможно, все испытано, но ничто не доходитъ до послѣдней глубины души, все скользитъ по ея поверхности, ко всему потерявъ вкусъ. И такова была вся его жизнь: ни къ чему никогда не имѣлъ ненависти, даже мстить не желалъ, но не испытывалъ и всеохватывающей любви; спорить тоже не любилъ, не горячился... Сѣро и безцвѣтно!

Но особенно выпукло эта лакейская пошлость вырисовывается въ лицѣ Николая Ставрогина.

Его сила на пробу—для себя и для показу—оказывалась безпредѣльною. Но эта безпредѣльность именно не природная, а искусственная, разсудочная и, главнымъ образомъ, показная... Повидимому онъ вынесъ пощечину съ тѣмъ же величіемъ, какъ и князь Мышкинъ, но извнутри это были два совершенно разныя явленія. У князя Мышкина это было непосредственно и природно, а у Ставрогина искусственно, намѣренно, «ретортно» (какъ сказалъ бы герой подполья). У князя совершенно не было гордости, но замѣчанію Аглаи, а Ставрогинъ былъ непомѣрно гордъ, мелочно-тщеславенъ, самодоволь-

ный аристократъ выше-средняго порядка, мѣщанинъ-аристократъ, лакей-аристократъ.

— Вы атеистъ, говорилъ Ставрогину Шатовъ, — потому что вы баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать... Я тоже баричъ, сынъ вашего крѣпостного лакея Пашки...

Не вѣрить въ Бога по гордости, отрицать различіе добра и зла по аристократическому самодовольству, — да можетъ ли быть что-нибудь пошлѣе этого! «Я не вѣрю въ Бога, въ котораго вѣрить простой народъ, я не признаю общеобязательнаго долга, потому что у меня брюки лучшаго, чѣмъ у другихъ, покроя!» Только лакейская, смердяковская душа можетъ такъ рассуждать, только лакей можетъ не понимать, что различіе какой бы то ни было мѣры ничтожно предъ безконечностью.

— Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся. Къ вамъ никто не подойдетъ потрепать васъ по плечу. Вы ужасный аристократъ.

Такъ говорилъ Ставрогину Петръ Верховенскій въ восторгѣ идолопоклонничества, ни мало не подозревая, что онъ имѣетъ предъ собою отвратительнаго идола. Ставрогинъ боится, болѣе всего на свѣтѣ, показаться смѣшнымъ: полная противоположность князю Мышкину.

И бракъ его на Лебядиной тоже не отъ природы, а отъ гордыхъ мыслей, отъ надрыва. Онъ объявляетъ о своемъ бракѣ съ Лебядиной «съ безпредѣльнымъ высокомѣріемъ». Князь Мышкинъ чувствовалъ бы и поступилъ бы совсѣмъ иначе. И при всемъ своемъ презрѣніи къ обществу, Ставрогинъ желаетъ смерти своей жены: сыгралъ роль и нужно отдѣлаться отъ чужой одежды. Онъ знаетъ другихъ женщинъ, принимая ихъ ласки съ равнодушіемъ избалованнаго барченка, а можетъ быть съ безсиліемъ истощившагося развратника...

И все, что ни дѣлаетъ Ставрогинъ, каждый его великолѣпный подвигъ имѣетъ балаганную основу, оказывается паясничаньемъ плохого актера. На дуэли съ Маврикіемъ Николаевичемъ онъ ведетъ себя героемъ: выдерживаетъ выстрѣлъ противника и самъ стрѣляетъ въ сторону. Кирилову, его секунданту, безъ усилій удается показать ему, что онъ вель себя какъ балаганный Петрушка и что ему должно быть стыдно.

— Если мнѣ, говорилъ Кириловъ, легко бремя, потому что

отъ природы, то, можетъ быть, вамъ труднѣе бремя потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного... Вы не сильный человѣкъ.

При кажущейся силѣ, при показной силѣ, Ставрогинъ изнутри не сильный человѣкъ. Онъ именно «бродить съ краю», вопреки противоположному мнѣнію Шатова; онъ блуждаетъ отъ одного берега къ другому.

— Я ничтожный характеръ, признается онъ Кирилову.

Еще откровеннѣе высказывается онъ въ письмѣ къ Дарьѣ Павловнѣ.

— Я могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злого и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ. На бревнѣ можно переплыть рѣку, а на щепкѣ нѣтъ...

Бѣда Ставрогина, какъ и Свидригайлова, широта натуры при внутреннемъ безсиліи; его демонъ, какъ и чортъ Ивана Карамазова,—демонъ срединной пошлости: «это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся».

Его бѣда въ томъ, что онъ, обладая природою внутренне-безсильною, лѣзъ однако въ сильные люди, хотя и не признался въ этомъ Кирилову. Снова скажемъ, совсѣмъ не въ степени силы или безсилія тутъ дѣло,—онъ все-таки былъ очень сильный человѣкъ,—а въ томъ, что его претензіи превосходили его силу, что онъ искусственно, съ надрывомъ, строилъ свою жизнь. Онъ жилъ не по природѣ, а по ретортнымъ рецептамъ, разсудочно смѣшивалъ разныя части. И поэтому онъ не имѣлъ непосредственности чувства, не отдавался всецѣло ни въ ту, ни въ другую сторону. Кириловъ говорилъ о немъ:

— Ставрогинъ если вѣруеть, то не вѣруеть, что онъ вѣруеть. Если же не вѣруеть, то не вѣруеть, что онъ не вѣруеть. (То же можно сказать и объ Иванѣ Карамазовѣ).

Ставрогинъ имѣетъ своего демона и свои «галюсинаціи»; имѣетъ онъ и своего лакея, своего «обезьяну»—Петра Верховенскаго, какъ Иванъ Карамазовъ—Смердякова.

Петръ Степановичъ Верховенскій рѣшительно на все способенъ: для него убить человѣка то же, что зарѣзать курицу. Онъ на все способенъ по страшной душевной пустотѣ, по

деревянной безчувственности, по ужасному подлому легкомыслию.

Петръ Степановичъ связанъ съ Ставрогинымъ такъ же неразрывно и такъ же совершаетъ для него преступленія, какъ Смердяковъ для Ивана Карамазова.

— Я шутъ, говорилъ Верховенскій Ставрогину, но вы—главная моя половина.

— Вы «ладья», старая вы, дырявая, дровяная барка на сломъ!

— Вы дрянной, блудливый, изломанный барченочек!

Внѣшняя, показная сила не отвѣчала внутреннему безсилію Ставрогина. Онъ обладалъ громадной физической силой и былъ писанный красавецъ, но лицо его напоминало маску.

— Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ, молилъ Ставрогина Шатовъ.

Изломанность, несогласованность внутренняго и внѣшняго, блудливость—таковъ характеръ Ставрогина. И онъ самъ, изнутри, лучше, чѣмъ кто либо, знаетъ свою слабую, смѣшную сторону.

— Мнѣ ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, непрерывно, долго, много. Я точно заряженъ смѣхомъ...

И этотъ смѣхъ отъ Ставрогина передается всѣмъ близкимъ къ нему людямъ, всѣмъ, кто, обманутые имъ, его видомъ, благоговѣли предъ нимъ, обожали его, кланялись ему, молились на него.

Сцена, когда Марья Тимоѣевна, жалкая жена Ставрогина, признается, что считала его княземъ (напримѣръ княземъ Мышкинымъ), а теперь видитъ его самозванство,—объясняетъ ему своимъ бредовымъ, изступленнымъ, но глубоко проникновеннымъ языкомъ, что настоящій князь, соколъ, не постыдился бы своей жены предъ свѣтомъ, что онъ не выносить поднятой на себя тяжести, что онъ не соколъ, а филинъ, сова слѣпая, Гришка Отрепьевъ,—эта сцена исполнена необычайнаго трагизма.

— Я вамъ должна признаться, говорила Ставрогину Лиза,—у меня укрѣпилась мысль, что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое, и... и въ то же время такое, что ставить васъ въ ужасно смѣшномъ видѣ. Берегитесь мнѣ открывать, если правда: я васъ засмѣю. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь.

Надъ Ставрогинымъ не смѣется лишь Даша, которая зара-

нѣе обрекла себя на роль сидѣлки, унижительную и унижающую Ставрогина.

Мы видимъ, что всѣ «необыкновенные люди», возвышающіеся до всепримирающей силы красоты, до одинаковости наслажденія въ обоихъ полюсахъ, всѣ они, всѣхъ разрядовъ, на самомъ дѣлѣ не достигаютъ той высоты, на которую «лѣзутъ», не доходятъ до идеальной гармоніи,—всѣ они суть психическіе типы и не имѣютъ въ себѣ ничего принципиально-пророческаго, всѣ они продуктъ сложныхъ условій культуры, а не предвосхитители грядущаго, всѣ они относятся къ прошлому, а не къ будущему.

— Я тысячу разъ дивился—говорить «подростокъ»—на эту способность человѣка (и, кажется, русскаго человѣка по преимуществу) лелѣять въ душѣ своей высочайшій идеалъ рядомъ съ величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широкость ли это особенная въ русскомъ человѣкѣ, которая его далеко поведетъ, или просто подлость, — вотъ вопросъ.

Можетъ быть ни то ни другое. Вотъ какъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ В. С. Соловьевъ:

— «Россія—великая окраина Европы въ сторону Азіи. При такомъ своемъ окраинномъ положеніи отечество наше естественно гораздо болѣе прочихъ европейскихъ странъ испытываетъ воздѣйствіе азіатскаго элемента, въ чемъ и состоитъ вся наша мнимая самобытность. У насъ изначала, а особенно со временъ Батя, азіатскій элементъ въ природу вошелъ, второю душою сдѣлался, такъ что нѣмцы могли бы про насъ со вздохомъ сказать:

Zwei Seelen wohnen, ach! in *ihrer* Brust,
Die eine will sich von der andern trennen.

Совсѣмъ отдѣлаться отъ своей второй души намъ невозможно, да и не нужно—мы вѣдь и ей тоже кое-чѣмъ обязаны,—но чтобы въ такой коллизіи не разорваться намъ на части, необходимо, чтобы рѣшительно одолѣла и возобладала одна душа и, разумѣется, лучшая»...

Принципъ красоты, одинаковой на обоихъ полюсахъ, не выводитъ человѣка изъ той психической совмѣстимости противоположностей, изъ той натуральной «широкости», которая можетъ служить естественной основой рѣшенія религіозной проблемы, но еще не составляетъ самаго рѣшенія. Эстетиче-

ское примиреніе есть лишь призракъ, фантомъ, явленіе порядка историко-культурнаго, или даже патологическаго, подобно тѣмъ страннымъ секундамъ, которыя предшествуютъ припадкамъ падучей болѣзни.

«Въ эпилептическомъ состояніи князя Мышкина была одна степень почти предъ самымъ припадкомъ (если только припадокъ приходилъ на яву), когда вдругъ, среди грусти, душевнаго мрака, давленія, мгновеніями какъ бы воспламенялся его мозгъ, и съ необыкновеннымъ порывомъ напрягались разомъ всѣ жизненныя силы его. Ощущеніе жизни, самосознаніе почти удесятерялось въ эти мгновенія, продолжавшіяся какъ молніи. Умъ, сердце озарялись необыкновеннымъ свѣтомъ, всѣ волненія, всѣ сомнѣнія его, всѣ безпокойства какъ бы умиротворялись разомъ, разрѣшались въ какое-то высшее спокойствіе, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины. Но эти моменты, эти проблески были еще только предчувствіемъ той окончательной секунды (никогда не болѣе секунды), съ которой начинался самый припадокъ. Эта секунда была, конечно невыносима. Раздумывая объ этомъ мгновеніи впослѣдствіи, уже въ здоровомъ состояніи, онъ часто говорилъ самъ себѣ: что вѣдь всѣ эти молніи и проблески высшаго самоощущенія и самосознанія, а, стало быть, и «высшаго бытія», не что иное какъ болѣзнь, какъ нарушеніе нормальнаго состоянія, а если такъ, то это вовсе не высшее бытіе, а, напротивъ, должно быть причислено къ самому низшему. И однако-же онъ все-таки дошелъ до чрезвычайно парадоксальнаго вывода: «что же въ томъ, что это болѣзнь?» рѣшилъ онъ, «какое до того дѣло, что это напряженіе ненормальное, если самый результатъ, если минута ощущенія, припоминаемая и разсматриваемая уже въ здоровомъ состояніи, оказывается въ высшей степени гармоніей, красотой, даетъ неслыханное и негаданное дотолѣ чувство полноты, мѣры, примиренія и встревоженнаго молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни?» Въ томъ же, что это дѣйствительно «красота и молитва», что это дѣйствительно «высшій синтезъ жизни», въ этомъ онъ сомнѣваться не могъ... Если въ самый послѣдній сознательный моментъ предъ припадкомъ ему случалось успѣвать ясно и сознательно сказать себѣ: «да, за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь!» то, конечно, этотъ моментъ самъ по себѣ и стоилъ всей жизни»...

«Дѣйствительность ощущенія» не можетъ подлежать со-

мнѣнію. Но вѣдь вся сила не въ явленіи, а въ его толкованіи. Между тѣмъ «въ оцѣнкѣ этой минуты, безъ сомнѣнія, заключалась ошибка». Въ самомъ дѣлѣ. Какъ ни блаженна была для князя Мышкина эта минута, но «отупѣніе, душевный мракъ, идиотизмъ стояли предъ нимъ яркимъ послѣдствіемъ этихъ высочайшихъ минутъ». Можно ли признать эти «высочайшія минуты» послѣднимъ синтезомъ, если за ними слѣдовали такія мрачныя послѣдствія? Что же это за высшее примиреніе, если оно столь безсильно предъ лицомъ мрачной дѣйствительности? Что за красота въ этомъ «отупѣніи и идиотизмѣ»?... Тутъ весьма важно то, что красота, какъ второй синтетическій принципъ, приходитъ къ отрипанію перваго самого основного принципа—жизни. Если «за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь», то во всякомъ случаѣ это не будетъ жертва жизнью ради высшей формы жизни, ради ея высшей полноты, ради «жизни съ избыткомъ», какъ это бываетъ съ самопожертвованіемъ любви,—это будетъ жертва жизнью ради того, что есть самое рѣшительное отрицаніе жизни и что влечетъ за собою ужаснѣйшій мракъ «отупенія и идиотизма».

Кириловъ тоже переживавшій подобныя минуты и придававшій имъ пророческое значеніе предуказанія на то время, когда «не будетъ времени», ждалъ, что человѣкъ «перемѣнится физически». Но пока нѣтъ этихъ физическихъ перемѣнъ, пока красота безсильна предъ природою,—и «высшій синтезъ» есть только болѣзненный самообманъ.

И все-же не эта природная изолированность, субъективность, составляетъ послѣднюю немощь красоты: ея самое окончательное крушеніе въ томъ, что полюсы имѣютъ характеръ этический и потому эстетическое безразличіе лежитъ совершенно въ иной плоскости. Одинаковая температура двухъ тѣлъ разной массы не дѣлаетъ ихъ одинаковыми по вѣсу и не уничтожаетъ этого вѣсового различія ихъ. Одинаковость наслажденія въ обоихъ полюсахъ можно вполне признать, но различіе полюсовъ по своей этической сторонѣ отъ этого не ослабляется. И когда эстетика занимаетъ свое мѣсто, она не сталкивается съ этикой, красота и добро могутъ мирно уживаться, какъ двѣ стороны многогранной жизни. Но когда красота претендуетъ сыграть высшую роль всепримиряющаго принципа, дерзаетъ одолѣть добро въ его специфическихъ чертахъ, стереть его характерныя краски, тогда добро становится

въ оборонительное положеніе, мощно и яростно отражаетъ выпады красоты.

Достоевскій рѣшительно и ярко ставитъ вопросъ о сравнительной силѣ добра и красоты,—и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ смыслѣ преобладающаго могущества добра. Въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе имѣетъ опытъ Раскольникова, который приводитъ къ окончательному выводу: для человѣка добро выше всего. Въ сферѣ отношеній человѣка къ человѣку эстетическое совпаденіе противоположностей является не только природно-безсильнымъ, но просто теоретическимъ измышле-ніемъ, фантастическимъ бредомъ. Собственно человѣческій абсолютъ есть добро. Языкъ Достоевскаго ближе всего подходитъ къ языку философіи категорическаго императива.

И въ томъ, что Достоевскій, столь глубоко и оригинально проникшій въ тайну эстетическаго совпаденія обоихъ полюсовъ одинаковости наслажденія, не остановился однако на эстетическомъ примиреніи, не соблазнился скороспѣлой гармоніей,—въ этомъ нужно видѣть его незаурядную нравственную мощь и выдающееся чувство правды, геніально-смѣлую любовь къ истинѣ.

Итакъ, мы имѣемъ въ міровоззрѣніи Достоевскаго два основныхъ понятія—реальная жизнь и высшее добро,—и синтетическая проблема сводится къ примиренію жизни и добра. Если любовь къ жизни есть половина дѣла, половина въ дѣлѣ спасенія человѣка, то другою половиною нужно признать добро, а въ сочетаніи этихъ половинокъ дается цѣльное совершенство.

Проблема добра имѣетъ у Достоевскаго оригинальную постановку именно отъ этого сочетанія добра съ жизнью. Эта новая постановка этической проблемы распадается на двѣ задачи.

Во-первыхъ нужно указать значеніе добра для жизни, жизненное значеніе высшаго идеала.

Эту задачу Достоевскій рѣшаетъ съ достаточною определенностью.

«Весь законъ бытія человѣческаго—говорилъ Степанъ Трофимовичъ—въ томъ, чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ. Если лишить людей безмѣрно великаго, то не стануть они жить и умеруть въ отчаяніи. Без-

мѣрное и безконечное такъ же необходимо человѣку, какъ и та малая планета, на которой онъ обитаетъ».

То же говорить и старецъ Зосима.

«Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горьнымъ и высшимъ, да и корни нашихъ мыслей и чувствъ не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взростилъ садъ. Свой, и возшло все, что могло взойти, но взрощенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взрощенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее».

Итакъ, вторая половина—высшее начало жизни—столь же необходима человѣку, какъ и сама жизнь; только это высшее начало даетъ послѣднее оправданіе самой жизни.

Во-вторыхъ. Если высшее начало есть именно добро, и если оно оправдываетъ, или освящаетъ жизнь, если оно должно быть вставлено въ рамку полной реальной жизни, если оно не есть аскетически-самодовлѣющее начало (въ чемъ и состоитъ оригинальность мысли Достоевскаго), то оно въ существѣ своемъ должно быть понято, какъ начало, разнородное наряду съ природно-историческою стороною жизни. Красота, по своему стихійному характеру, не выдѣляетъ человѣка изъ природы, но уравниваетъ его съ природою,—она будитъ въ немъ самое природно-стихійную основу. Напротивъ, добро есть начало специфически человѣческое, не природно-божественное, или стихійно-божественное, а богочеловѣческое.

Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

Понять доброе теченіе, какъ теченіе природное, значить устранить самую проблему выпасаго синтеза. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя остановиться и на одномъ противоборствѣ, потому что это дѣлало бы синтезъ безусловно невозможнымъ. Все это невольно толкаетъ на путь признанія разнородности сферъ—природно-исторической и нравственно-человѣческой. Но Достоевскій, подойдя вплоть къ этой истинѣ, не переступилъ ея

порога,—и она образуетъ предѣлъ его поступательнаго движенія. Онъ остановился на противоборствѣ и не могъ черезъ него перешагнуть. Въ философіи «подполья» и въ мысли Ивана Карамазова признается наличность дисгармоніи между законами природно-исторической жизни и нравственно-человѣческимъ началомъ. «Боже, да что мнѣ за дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ эти законы и дважды два четыре не нравятся». Человѣку «мерзитъ примириться» съ этою природно-историческою необходимостью.

Достоевскій, какъ зачарованный, не могъ оторвать своихъ глазъ отъ этой бездны,—и не имѣлъ вѣры подняться надъ нею.

Ипполитъ выражаетъ чувства Достоевскаго по поводу картины въ домѣ Рогожина.

...«На картинѣ этой изображенъ Христосъ, только что снятый съ креста. Живописцы обыкновенно повадились изображать Христа и на крестѣ, и снятаго со креста, все еще съ отбѣнкомъ необыкновенной красоты въ лицѣ; эту красоту они ищутъ сохранить Ему даже при самыхъ страшныхъ мукахъ. Въ картинѣ же Рогожина о красотѣ и слова нѣтъ; это въ полномъ видѣ трупъ человѣка, вынесшаго безконечныя муки еще до креста, раны, истязанія, битье отъ стражи, битье отъ народа, когда Онъ несъ на себѣ крестъ и упалъ подъ крестомъ, и, наконецъ, крестную муку въ продолженіе шести часовъ... Тутъ одна природа, и воистину таковъ и долженъ быть трупъ человѣка, кто бы онъ ни былъ, послѣ такихъ мукъ. Я знаю, что христіанская церковь установила еще въ первые вѣка, что Христосъ страдалъ не образно, а дѣйствительно, и что тѣло его, стало быть, было подчинено на крестѣ закону природы вполнѣ и совершенно. На картинѣ это лицо страшно разбито ударами, вспухшее, со страшными, вспухшими и окровавленными синяками, глаза открыты, зрачки скосились; большіе, открытые бѣлки глазъ блещутъ какимъ-то мертвеннымъ, стекляннымъ отблескомъ... Тутъ невольно приходитъ понятіе, что если такъ ужасна смерть и такъ сильны законы природы, то такъ же одолѣть ихъ? Какъ одолѣть ихъ, когда не побѣдилъ ихъ теперь даже Тотъ, Который побѣждалъ природу при жизни своей? Природа мерещится при взглядѣ на эту картину въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмаго звѣря, или въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безсмысленно захватила, раздробила

и поглотила въ себя, глухо и безчувственно, великое и безцѣнное Существо—такое Существо, Которое одно стоило всей природы и всѣхъ законовъ ея, всей земли, которая и созда-лась-то, можетъ быть, единственно для одного только появленія этого Существа! Картиной этою какъ будто именно выражается это понятіе о темной, наглой и безсмысленно-вѣчной силѣ, которой все подчинено»...

Тѣ же слова повторяетъ Кириловъ и тѣ же чувства пережилъ Алеша Карамазовъ при гробѣ своего возлюбленнаго старца, по поводу преждевременно открывшагося тлѣнія его.

Ужась безконечной силы, отовсюду обнимающей человѣка, этой темной, глухой и нѣмой природы, этого огромнаго и отвратительнаго тарантула—Достоевскій зналъ этотъ ужась. И что бы онъ ни понималъ своимъ огромнымъ умомъ, сердцемъ своимъ онъ не переносилъ этого ужаса. Сердцемъ своимъ онъ не принималъ истины природной необходимости.

«Богъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ».

Этой евангельской истины Достоевскій не могъ вмѣстить. Также не понималъ онъ, не вмѣщалъ въ своемъ сердцѣ, и естественныхъ законовъ исторіи, которые приводили его къ бунту Ивана Карамазова.

«Думаете ли вы, что галилеяне, которыхъ кровь Пилать смѣшалъ съ жертвами ихъ, были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ»...

Но Иванъ Карамазовъ не зналъ этой евангельской истины, и онъ не могъ вынести несправедливыхъ страданій, ради нихъ онъ не принималъ исторіи.

— Не хочу гармоніи, изъ-за любви къ человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданіями неотомщенными. Лучше ужъ я останусь при неотомщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, *хотя бы я былъ и не правъ*. Слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возратить обратно. Не Бога я не принимаю, я только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю.

Природа не знаетъ нашихъ различій между добромъ и зломъ, между праведниками и грѣшниками, у нея измѣреніе совершенно другое. Здоровье и болѣзнь, крѣпость и немощь, тепло и холодъ, бури и землетрясенія распредѣляются въ рѣ-

пительной независимости отъ мѣрокъ правды и грѣха. Въ природѣ нельзя искать нравственнаго удовлетворенія; нельзя къ ней примѣнять и нравственнаго негодованія. Равнымъ образомъ и исторія совершается по своимъ независимымъ законамъ: они захватываютъ человѣка и онъ можетъ вмѣшиваться въ ея теченіе, добро и зло могутъ быть историческими силами, но цѣлаго совпаденія здѣсь никогда не можетъ быть, по существу эти двѣ области различны.

Какъ въ познаніи, такъ и въ дѣятельности: не вынося законовъ природы и исторіи, Достоевскій, по тѣмъ же мотивамъ, во имя высшей любви къ человѣку, не принималъ и законничества, не принималъ закономѣрнаго общественнаго устроенія человѣческаго счастья. Отрицательное отношеніе Достоевскаго къ экономически-освободительному движенію—ради атеистическаго или нигилистическаго міровоззрѣнія, связаннаго съ этимъ движеніемъ—есть въ высшей степени примѣчательный фактъ. Вѣдь очевидно, что высшая любовь къ человѣку и общественное устроеніе человѣческаго счастья, устроеніе «хрустальнаго дворца», западная культура—не исключаютъ одно другое, хотя и не вполне совпадаютъ. И вотъ это несовпаденіе въ томъ, что уходитъ въ глубину человѣческой души, заставляло Достоевскаго идти противъ того, за что онъ долженъ былъ стоять по свойствамъ своего сердца. Развѣ это не поучительный фактъ? Но Достоевскій не могъ быть послѣдовательнымъ въ этомъ отрицаніи: нужно лишь сопоставить, съ одной стороны, его «Бѣсовъ», теорію Петра Верховенскаго, мечтавшаго отдать весь міръ папѣ или пустить молву о самозванцѣ, вообще насильно устроить человѣчество, теорію Шигалева объ искусственномъ пониженіи психическаго уровня человѣчества, и съ другой стороны—Великаго Инквизитора, чтобы видѣть, что «идея эта еще не была рѣшена въ сердцахъ» Достоевскаго и что онъ, какъ «мученикъ», «любилъ забавляться своимъ отчаяніемъ». Я указываю на фактъ, который среди критиковъ Достоевскаго пользуется полною общеизвѣстностью и разнообразными толкованіями: съ своей стороны причину этого факта я указываю единственно въ смѣшеніи разнородныхъ сферъ—личной вѣры съ ея абсолютностью, безпредѣльностью, безмѣрностью, и условно-общественной закономѣрности.

Не принимая евангельской истины, Достоевскій не по-евангельски обсуждалъ и религіозное значеніе народа. Не до-

гадиваясь о причинахъ своей трагедіи, онъ искалъ для себя «почвы» и думалъ найти ее въ народной религіи, считая ненавистное ему общественное движеніе дѣломъ наноснымъ. Онъ переоцѣнивалъ религіозное значеніе народности. Онъ считалъ религію дѣломъ народнымъ. Онъ полагалъ, что религія только въ томъ случаѣ есть движеніе величественное и глубокое, если оно совершается въ нѣдрахъ народной жизни,—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что народная душа находитъ свое глубочайшее выраженіе не въ чемъ либо другомъ, какъ въ религіи. «Цѣль всего движенія народнаго, во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ Него какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было, чтобъ у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ»...

Этихъ воззрѣній на религію мы не можемъ назвать достаточно глубокими и, главное, евангельскими. Народная религія, это правда, есть одна изъ ступеней въ религіозной эволюціи. Религія пережила три фазиса—натуралистическій, народный и личный. Но народная религія есть лишь одинъ изъ фазисовъ въ религіозной эволюціи—не вѣчный и не высшій. Въ вѣкъ Христа, всѣ религіи, какъ еврейская, такъ и языческія-классическія, стояли на ступени народной, но именно евангеліе знаменуетъ перерожденіе народной (еврейской) религіи въ религію личную. Евангельскій Отецъ Небесный есть «мой Отецъ», «твой Отецъ», но это не Отецъ того или другого народа. И нынѣ религіи однихъ народовъ остались на ступени натуралистической, другихъ—на ступени народной, но наша религія—есть религія личная, мы уже не можемъ возвратиться къ низшимъ религіознымъ ступенямъ. Можно вполне согласиться съ тою мыслью, что обобщенные боги, объединенные, эклектические, свидѣлствуютъ объ упадкѣ народно-религіозной жизни, но нашъ Богъ не есть такое обобщеніе, это Богъ чело-вѣка, какъ лица, и потому именно--Богъ, не знающій національныхъ и государственныхъ границъ.

Переоцѣнивая религіозное значеніе народности, Достоевскій

народною религіею Россіи, религіею русскаго народа, считалъ православіе. О православіи русскаго народа онъ говорилъ все то, что можно сказать о древней еврейской религіи. Какъ еврея нельзя было представить безъ его національной религіи, какъ назначеніемъ еврейскаго народа было—привести всѣ народы къ религіи Іеговы и чрезъ то доставить господство богоизбранному народу, такъ и Достоевскій утверждалъ, что «не-православный не можетъ быть русскимъ», что «все, все, чего ищетъ русскій народъ, заключается для него въ православіи,—въ одномъ православіи и правда, и спасеніе народа русскаго» и что «главнѣйшее предъизбранное назначеніе народа русскаго въ судьбахъ всего человѣчества и состоитъ въ томъ, чтобъ сохранившійся въ православіи божественный ликъ Христа, когда придетъ время,—явить всему міру, потерявшему свои пути».

Необходимо замѣтить, что «православіе» Достоевскій «понималъ весьма возвышенно и «духовно». Все, что онъ говоритъ о рабскомъ видѣ Христа, какъ преимущественно возлюбленномъ у русскаго народа,—о страданіи русскаго народа и его смиреніи, объ его идеалѣ «всемірнаго болѣнія», «всемірнаго объединенія», «нравственнаго разрѣшенія» всѣхъ вопросовъ, волнующихъ теперь Европу—и политическихъ, и общественныхъ и экономическихъ,—все это до глубины проникнуто библейскимъ духомъ. Смѣло можно сказать, что Достоевскій въ пониманіи православія русскаго народа стоитъ на высотѣ древнихъ еврейскихъ пророковъ, которые предназначали еврейскому народу великую миссію—благовѣствовать всему міру миръ, правду и спасеніе... Но и высота еврейскихъ пророковъ есть относительная высота, неизмѣримо превзойденная въ евангеліи. И еврейскіе пророки не могли стать выше той ограниченности, которая существенно заключалась въ самой идеѣ народной богоизбранности. Для нихъ эта ограниченность была въ неразрывной связи дѣла Іеговы съ дѣломъ народа,—въ томъ, что служеніе еврейскаго народа дѣлу Іеговы безостаточно совпадало съ служеніемъ Іеговы славѣ еврейскаго народа. И въ этомъ единственная причина, почему Христосъ былъ отвергнутъ евреями. И Достоевскій стоитъ на высотѣ еврейскихъ пророковъ, а не на высотѣ евангелія. И для него христіанско-православная идея, нравственное разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ—есть то же, что славянская идея, русское разрѣшеніе вопросовъ. И онъ религіозно падалъ даже до того, что

говорилъ о своемъ «кровномъ отвращеніи до ненависти» къ Европѣ, проповѣдывалъ о захватѣ русскими Константинополя во имя вышихъ христіанскихъ соображеній (какъ въ наши дни по тѣмъ же соображеніямъ говорили о захватѣ русскими Манчжуріи),—проповѣдывалъ о неразрывномъ союзѣ православія съ опредѣленною формою государственнаго правленія и т. д.

Въ томъ, что Достоевскій называлъ православіе національно-русскою формою христіанства, заключается глубокая идея. Но и его, какъ Кирилова (еще разъ повторимъ эти слова), съѣла идея, а не онъ съѣлъ идею. Ему показалось это историческое явленіе, историческая форма христіанства, идеальнымъ явленіемъ христіанскаго духа, идеальною формою его,—онъ не сумѣлъ оцѣнить его съ высоты вѣчной евангельской идеи.

Легко видѣть, какое слѣдствіе эта національная ограниченность влекла за собою въ существенномъ рѣшеніи христіанской проблемы. «Иудеи ищутъ знаменія». Какъ натуралистическая, такъ и общественно-народная религія не можетъ существовать безъ чуда. На этихъ ступеняхъ религіознаго сознанія еще нѣтъ мѣста признанію особыхъ сферъ природной и исторической необходимости, оно требуетъ непрерывнаго внимательства Промысла въ теченіе природы и въ ходъ исторіи. Природная необходимость и общественно-историческая закономерность могутъ быть религіозно освящены лишь на высшей ступени религіознаго сознанія, на высотѣ духовно-личной религіи. Духовно-личная абсолютность даетъ наряду съ собою мѣсто природной необходимости и общественно-исторической условности. Лишь въ этомъ случаѣ религіозная святость воплощается въ полнотѣ природной жизни и въ условности общественной дѣятельности,—лишь въ этомъ случаѣ князь Мышкинъ могъ бы освободиться отъ своей природной болѣзненности и Алеша Карамазовъ могъ бы вступить въ мужескій возрастъ семейной и общественной жизни.

М. Гартевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки